Лимбус
АНДЖЕЙ ЗБЫХ
СТАВКА
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Анджей Збых

Железный крест

Серия «Ставка больше, чем жизнь», книга 11

Scan, OCR: MCat78
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160071
Ставка больше, чем жизнь: Дрофа – Лирус; Москва; 1994
ISBN 5-7107-0209-9, 5-87675-054-9
Оригинал: “Stawka wieksza niz zycie”
Перевод:
В. А. Головчанский

Аннотация

Книга А. Збыха (под этим псевдонимом выступают польские писатели Збигнев Сафьян и Анджей Шипульский) объединяет серию приключенческих повестей, повествующих о подвигах отважного польского разведчика Ганса Клоса, добывавшего в период второй мировой войны информацию о фашистских войсках.

Повести изобилуют остросюжетными моментами, в которых ярко проявляются бесстрашие и мужество подпольщиков.

Анджей Збых
Железный крест

Заяц-русак, прижав уши, стремглав бросился в лесную чащу, но поздно, раздался выстрел. Заяц закружился на месте и упал.

Оберст Герберт Рейнер, закинув ружье за плечо, важно вставил монокль в глаз.

«Шестой», – не без удовольствия подумал он и медленно направился к убитому зайцу. Граф Эдвин Вонсовский слегка задержал его движением руки:

– Мужики подберут, господин полковник.

Из зарослей показался штандартенфюрер Дибелиус. Помахав им издали рукой, прокричал:

– Как всегда, у нашего Герберта верный глаз и твердая рука!

Длинная меховая шуба, грузная фигура и широкие приподнятые плечи делали штандартенфюрера похожим на медведя. Двигался он медленно, как бы боясь потерять равновесие в глубоком снегу, доходящем ему до колен.

«Неуклюжий, словно пляшущий медведь», – подумал Вонсовский.

– Вы, господин полковник, настоящий король сегодняшней охоты, – сказал он громко, обращаясь к Рейнеру. – Однако все мы изрядно промерзли и устали.

– Вы здесь хозяин, дорогой кузен. Надеюсь, не обиделись за столь фамильярное обращение к вам? Кажется, я говорил тебе, Макс, – Рейнер повернулся к Дибелиусу, который уже выбрался из сугроба и, топая ногами, стряхивал с высоких сапог снег, – что мы с господином Вонсовским породнились?

– О, господин полковник, вы оказываете мне большую честь! – наклонил голову Вонсовский.

– Говорил, говорил, и не раз, – усмехнувшись, ответил Дибелиус. И, обращаясь к Вонсовскому, добавил: – А время уже позднее, и я чувствую запах вашего славного бигоса.

Вонсовский махнул рукой группе мужиков, стоявших, неподалеку от саней. Раздался звук охотничьего рожка. Из зарослей выходили запоздавшие охотники.

– Прошу всех к саням, господа, – пригласил Вонсовский. – Я же поеду верхом: должен присмотреть, чтобы не подгорел бигос.

Вонсовский легко вскочил на коня. Несмотря на свои пятьдесят лет, он еще сохранил ловкость движений былого кавалериста, победителя нескольких международных состязаний. Махнув компании рукой, пришпорил гнедого и поскакал напрямик через лес – хотелось быть на месте раньше всех, и не столько из-за бигоса, сколько из-за визита еще одного гостя.

Перед охотничьим домиком Вонсовский легко соскочил с седла и, хлопнув коня по разгоряченному крупу, направил его к привязи.

В большом зале, украшенном охотничьими трофеями хозяина, уже сидел молодой человек, с которым граф Вонсовский должен был встретиться.

Камердинер Франтишек Жребко – под этим именем вот уже два года скрывался майор Рутинский, бывший ответственный работник реферата «Запад» второго отдела генерального штаба и в течение многих лет начальник капитана Вонсовского, сотрудника того же отдела, – подавал зажженную спичку молодому обер-лейтенанту вермахта.

– А некоторым неплохо живется, граф, – сказал Клос, вставая навстречу Вонсовскому.

– Вы это обо мне? – спросил Эдвин, пожимая ему руку. – Вы должны поторопиться: через несколько минут они будут здесь.

– Ничего, – ответил Клос. – Я здесь по службе. Должен сопровождать одного из ваших гостей. – Он вытащил из портфеля небольшой пакет и подал его Вонсовскому: – Это деньги, которые вы просили. Тетя Сюзанна оказалась на этот раз добрее.

– У меня тоже есть кое-что для вас, – сказал Вонсовский, подавая несколько фотографий ставки Гитлера. – Думаю, это очень обрадует и тетю Сюзанну. Вы можете взять их с собой.

Клос протяжно свистнул. Затем спросил:

– Вам известно о «волчьем» логове – резиденции нашего любимого фюрера?

– Сейчас… – начал Вонсовский, но в это время послы-

шались близкие звуки колокольчиков, фырканье лошадей, громкие крики и топот. – Лучше послезавтра в обычном месте.

– Прошу все хорошенько спрятать, – сказал Клос. – Лихо не спит, бродит вокруг.

– Будьте спокойны, здесь ищут только водку, а ее предостаточно в этом доме.

Франтишек бросился к гостям, чтобы помочь им освободиться от тулупов, натянутых поверх военных шинелей. Клос взглядом отыскал Рейнера, по-уставному щелкнул каблуками и передал ему пакет.

– Ужасно, – пробормотал Рейнер, ознакомившись с приказом, привезенным Клосом. – Обидно мне, друзья мои, обидно и особенно неудобно перед вами, дорогой кузен. Но приказ есть приказ…

– От генерала? – спросил вполголоса Дибелиус. – Нет, не сумел ты воспитать этого старого болвана!

– Прошу вас, очень прошу, друзья мои, – продолжал Рейнер, – не обращайте на это внимания. Вы же знаете, что наше начальство всегда требует нас на службу тогда, когда нам меньше всего этого хочется. Служба не дружба.

– Как это досадно, – пробормотал Вонсовский, протягивая Рейнеру обе руки, будто желая обнять его. – Знаю, что значит приказ, сам когда-то служил в армии его императорского величества Франца-Иосифа, кстати в одном полку с вашим шефом, генералом Верлингером. Прошу вас при слу-

чае передать ему мой привет и наилучшие пожелания. Надеюсь, что он еще не забыл меня.

– Да, он с большой теплотой вспоминает о вас, – ответил Рейнер. – Пойдемте, Клос, а то даже и не понюхаем славного бигоса господина графа. Давайте выпьем на прощание. – Он широко раскрыл двери, ведущие в столовую.

При виде мисок с бигосом и всевозможных закусок у обоих офицеров, отвыкших за четыре года войны от такого обилия яств, заблестели глаза.

– Итак, господин оберет, до следующей охоты, – сказал Вонсовский. – Сезон только лишь начинается.

– Ха! – усмехнулся Дибелиус. – В этой паршивой стране мы не имеем времени, чтобы охотиться на зайцев, потому что охотимся на людей! – Он рассмеялся, явно довольный своей, остротой.

Уже идя к выходу, Клос заметил, как Вонсовский, взяв под руку Дибелиуса, которого даже среди эсэсовцев называли не иначе как «кровавый Макс», любезно вел его в столовую. Этот фамильярный жест в отношении шефа СД и окружной полиции не удивил Клоса, так как он знал, что Вонсовский уже был знаком с Дибелиусом раньше.

Разомлевший от тепла, царящего внутри «мерседеса» полковника, и несколько удивленный молчанием Рейнера, дремавшего на заднем сиденье под убаюкивающий шум мотора, Клос впал в полусонное состояние. Однако образ Вонсовского – бывшего сотрудника второго отдела, а в настоя-

щее время члена группы под кодовым наименованием «Ванда», куда входил и он, Клос, – навязчиво стоял перед ним.

«Неплохой актер, – подумал он, борясь с охватившей его сонливостью. – Интересно все-таки, действительно ли Вонсовский граф?» Клос не мог даже предполагать, что тому, кого он считал неплохим актером, вскоре предстоит сыграть последнюю, и главную, роль в жизни. А ему, Клосу, выпадет нелегкая задача режиссера в этой драме.

Снег хрустел под сапогами двух солдат, охранявших небольшую станцию и десятикилометровый отрезок железнодорожного полотна, находившегося недалеко от охотничьего домика графа Вонсовского. Солдаты проклинали своего командира, рябоватого ефрейтора, который в такой холод послал их в наряд. Но они не были наивными простаками, как, впрочем, и не были юнцами, слепо выполняющими приказ. Они прекрасно знали, что нести службу на этом участке небезопасно, ибо в любую минуту можно получить шальную пулю от притаившегося в кустах партизана.

Не сговариваясь, они свернули с железнодорожной насыпи и направились в сторону села, до которого было не более километра. Солдаты отлично знали, что эта прогулка для них менее опасна и более выгодна, чем хождение по железнодорожным путям, охрану которых они так или иначе не в силах обеспечить вдвоем.

И вот жители села, среди ночи разбуженные стуком ружейного приклада в двери, были вынуждены извлекать из своих тайников сало и другие припасы. Упиваясь покорностью безоружных крестьян, солдаты грубо кричали: «Шнель, шнель!» Если говорить откровенно, это была просто месть за то, что они не могли так же лежать в постели, укутавшись теплой периной, а вынуждены бродить ночью в этом холодном, чужом краю. Солдаты устали от насмешек рябого ефрейтора, который в любую минуту мог подать на них рапорт, от боязни попасть на Восточный фронт, в страну, где люди так же недружелюбны, а холод еще более ощутим.

– Завтра пошлю своей Гретхен посылку, – сказал один из солдат. – Немного солонины и чулки.

– Ты что, забыл, что нашему ефрейтору нужен гусь? – остановил его другой.

– Придется уважить этого мерзавца…

– Тихо! Слышишь, музыка…

Вскоре солдаты увидели в одном из домов незатемненное окно и услышали шум голосов. Стуча коваными каблуками, они поднялись по ступенькам на веранду. На их стук в дверь никто не отозвался, что было весьма странно. Низкорослый солдат с разбегу толкнул дверь и чуть не кубарем влетел в помещение. Вид офицерских шинелей на вешалке и шапок с эмблемами СС должен был бы отрезвить их, но, взбешенные тем, что к ним никто не вышел, они устремились к внутренним дверям, из-за которых доносились громкий смех и му-

зыка. Низкорослый распахнул двери небольшого зала.

– Тихо! – крикнул он и внезапно умолк.

Другой, находясь еще в прихожей и не понимая, почему замолчал его напарник, громко скомандовал:

– Зашторить окно! – и, переступив порог, замер.

Штандартенфюрер Дибелиус, пошатываясь, поднялся, сделал шаг им навстречу.

– Господин штандартенфюрер, – пробормотал солдат, который вошел первым, – мы не знали, что…

– Молчать! – крикнул Дибелиус. – Я не разрешал вам говорить! Запомните: там, где я нахожусь, выполняется мой приказ, понятно?

Солдаты попятились.

– Кто вам позволил отойти? – закричал Дибелиус. – Отправлю на Восток! – Он едва не задохнулся от крика.

– Но, дорогой Дибелиус, – успокаивал его Вонсовский, – эти солдаты не имели плохих намерений. В конце концов, это хорошо, что немецкие солдаты заботятся о точном выполнении распоряжении властей. Это моя вина: так редко бываю в этом домике, что даже не распорядился, чтобы Зашторили окна. Франтишек, – обратился он к камердинеру, – проследи, чтобы в следующий раз…

– Так точно, господин граф.

– А теперь убирайтесь! – закричал Дибелиус.

– Минуточку, – сказал Вонсовский. Солдаты остановились в недоумении. – Франтишек, – обратился граф к камер-

динеру, – проводи этих парней на кухню, пусть им дадут что-нибудь поесть и водки, чтобы разогрелись и выпили за здоровье господина штандартенфюрера Дибелиуса.

– Вы обезоружили меня, дорогой Вонсовский, совсем обезоружили. Идите, – широким жестом он указал солдатам на дверь, – и никогда больше не интересуйтесь светомаскировкой в этом доме и не беспокойте моего друга господина Вонсовского. Знаете ли вы, тупицы, мы установили с господином графом, что в тысяча девятьсот одиннадцатом граф и я жили в Мюнхене на одной улице, питались в одном и том же ресторане, ходили в один и тот же бордель – и не знали друг друга. – Пьяным жестом он попытался обнять Вонсовского.

Офицеры встали, поднимая бокалы. Дибелиус схватил стакан, налил его до краев и с размаху стукнул о бокал Вонсовского. Кто-то из молодых офицеров затянул корпорантскую песню. Дибелиус грузно опирался на плечо Вонсовского.

– Друзья, – пробормотал штандартенфюрер, – кажется, я выпил немного лишнего. Покажите, где у вас туалетная комната, – обратился он к Вонсовскому.

Дибелиус неверной походкой пошел в указанном направлении, открыл кран и подставил под широкую струю воды лицо, массируя ладонями одутловатые щеки. Потом, не оборачиваясь, потянулся в сторону полки с полотенцами, но внезапно поскользнулся на мокром полу, упал и вдруг по-

чувствовал неодолимое желание уснуть. И это ему, может быть, даже и удалось бы, но капающая из крана вода не давала покоя. Борясь с охватившей его сонливостью, он поискал взглядом, за что бы уцепиться руками, увидел раковину. И схватился за ее край, но сорвался и снова упал. Раковина под тяжестью его тела отделилась от стены, открыв темную нишу.

Сначала Дибелиус решил, что ниша – плод его воображения. Встал он неожиданно легко. Ударил себя несколько раз по лицу, окончательно прогоняя опьянение, и снова посмотрел в сторону ниши, но она не исчезала. Все еще не веря глазам, протянул руку и, нащупав какой-то предмет, вытащил его. Им оказалась аккуратно запечатанная, как будто только из банка, толстая пачка стодолларовых банкнот.

Снова просунув руку в нишу, Дибелиус извлек оттуда пачку сигарет. Пачка была открыта, но в ней вместо сигарет оказалось несколько роликов узенькой фотопленки. Дибелиус сразу отрезвел. Он присел на край ванны, на минуту задумался, пристально глядя на банкноты и коробку от сигарет. Затем положил найденные предметы в нишу, подтянул раковину. Она встала на свое место неожиданно легко.

– Не Рейнер король сегодняшней охоты, а я – штандартенфюрер Макс Дибелиус, – сказал он, обращаясь к своему отражению в зеркале. Отражение заморгало небольшими, но теперь уже действительно трезвыми глазами.

В столовой никого не было – это было ему на руку. Ди-

белиус подошел к висящему на стене старомодному телефонному аппарату и потребовал немедленно соединять его с Варшавой.

Дежурный быстро отозвался, на телефонный звонок.

– Шесть человек охраны! – приказал Дибелиус и повесил трубку, не желая давать объяснения.

Гости графа уже собирались уезжать. Поочередно подходили к Вонсовскому и пожимали ему на прощание руку, а тот с обаятельной улыбкой говорил каждому, что эго он должен их благодарить за оказанную честь.

Дибелиус устроился в глубоком кресле, стоящем около камина, вытянул перед собой ноги и грыз незажженную сигару.

– Вы не едете, господин штандартенфюрер? – обратился к нему щуплый полковник саперных войск с длинной морщинистой шеей ощипанного индюка, на которой болтался Железный крест.

– Что-то забарахлил мотор в моей машине, – солгал второпях Дибелиус.

– Мы с удовольствием подвезем вас, – предложил майор авиации.

– Благодарю, – ответил Дибелиус. – Я уже позвонил, чтобы за мной прислали другую машину. Подожду. Если, конечно, позволит хозяин.

– Конечно, господин штандартенфюрер, – сказал граф. – Если вы неважно себя чувствуете…

– Чувствую себя превосходно. Давно не чувствовал себя так хорошо.

– Я имел в виду, – уточнил Вонсовский, – предложить вам комнату для гостей. Франтишек хорошо натопил. Отдохните, господин штандартенфюрер, а утром приятнее ехать. Лес, покрытый снегом, выглядит прекрасно.

– Хорошо, господин Вонсовский, – согласился Дибелиус. – Однако я не могу себе позволить заснуть этой ночью даже в столь прекрасной комнате, которую так хорошо натопил ваш Франтишек. Я должен еще поработать.

За окном заурчали моторы отъезжающих автомашин. Дибелиус, удобно расположившись в кресле, дымил сигарой, которую только что прикурил от горящей головешки из камина.

– Вы необыкновенный человек, господин Дибелиус, – вздохнул Вонсовский, опускаясь в кресло напротив. – После такого дня вы еще думаете работать? Но я верю вам, хотя полчаса назад готов был дать голову на отсечение, что вы пойдете спать. Это и есть характерная особенность настоящего немца, у которого служебные обязанности превыше всего. Если бы мои соотечественники следовали тому же правилу, может быть, история была бы к ним более снисходительна. Но что поделаешь, мы любим слишком много говорить и митинговать…

– Но вы также любите поесть и Попить – это мне нравится.

– Может быть, еще выпьем немного наливки? Готовил ее

Франтишек по рецепту своей матери, которая служила экономкой в имении моей матери, графини фон Эксендорф.

– С удовольствием отведаю наливки с такой родословной.

Франтишек как будто только этого и ждал. В руках у него оказался поднос, на котором стоял хрустальный графин, полный сверкающей рубином жидкости, и два тяжелых хрустальных бокала.

– За ваше здоровье, господин Вонсовский, – поднял бокал Дибелиус. Посмаковал, причмокнул с одобрением. – Стало быть, это через свою мать, графиню фон Эксендорф, вы породнились с оберстом Рейнером?

– Если хотите точно, – сказал Вонсовский, – то это только деликатность господина полковника заставляет его называть меня кузеном. Десятая вода на киселе, как говорится о таком родстве.

– Но однако же в ваших жилах течет и немецкая кровь. Хотелось бы знать сколько?

– Ровно столько, чтобы заслужить уважение и доверие немецких офицеров. Если бы не фатальный исход мировой войны, может быть, мы служили бы с ними в одном полку. Уже тогда, как помню, в двенадцатом или тринадцатом году, многие просвещенные офицеры задумывались об объединении всех немцев под скипетром одного императора.

– И только нашему фюреру удалось сделать реальностью мечты ваших сослуживцев. Хотя вы ведь наполовину немец…

– Боюсь, – прервал его Вонсовский, – что я немец только на сорок девять процентов. Ибо сегодня в моих жилах течет не менее одного процента алкоголя. Извините, что прервал вас, господин Дибелиус.

– Глупости, Вонсовский. Вернемся к этому разговору еще не раз, даю вам слово. Вам еще предстоят беседы со мной.

Послышался все нарастающий шум моторов.

– Ну, наконец-то! – сказал Дибелиус. – Приехали. Еще минута – и вы, господин граф, потеряли бы терпение. – Энергичным движением он подхватил Вонсовского под руку.

Эсэсовец гауптштурмфюрер Адольф Лехсе вошел в дом, отряхиваясь от снега. Лицо Дибелиуса, до этого такое кроткое и добродушное, мгновенно изменилось.

– Теперь, дорогой мой Вонсовский, пройдем в вашу ванную комнату. – Штандартенфюрер расстегнул кобуру и вынул пистолет. – Пойдешь и ты, Лехсе, увидишь кое-что весьма любопытное.

К счастью, Дибелиус не заметил Франтишека, который выходил из кухни и вовремя сумел спрятаться в тени лестницы.

Дибелиус, подобно опытному цирковому фокуснику, медленно приближался к умывальнику. Плавным движением он потянул за край раковины.

– Что, удивлены, Вонсовский?

– Тайник? – Граф надел пенсне, удивленно, как будто бы не доверяя сам себе, подошел ближе.

– Вы как будто ничего не знаете?

– В охотничьем домике-я бываю редко. Мое постоянное местожительство в Варшаве. А старые дома всегда хранят какие-то забавные тайники.

– Конечно, конечно, – усмехнулся Дибелиус. – В особенности, если на этих банкнотах, – он достал из тайника и поднес банкноты к глазам Вонсовского, – стоит дата выпуска: 1938, 1939 и даже 1940 год. О! Какие же тайны хранят эти старые, редко используемые охотничьи домики!.. – Из пачки сигарет штандартенфюрер вытряхнул на ладонь, ролики микрофильма. – Правда, Вонсовский?

– Судя на глаз, здесь немало денег, – ответил Вонсовский, закуривая сигарету.

Но Дибелиус уже перестал играть.

– Бери его! – крикнул он и с силой толкнул Вонсовского к Лехсе, стоявшему в дверях ванной комнаты.

– Удивительный способ благодарить за гостеприимство. – Вонсовский стряхнул пепел с отворота пиджака. – Думаю, что я могу взять свою шубу?

– Замолчи! Я тебя еще поблагодарю. Старуха фон Эксендорф не поможет тебе.

– Конечно, – сказал Вонсовский. – Вы не дали мне возможности вовремя объяснить, что этой ванной пользуется прислуга, а моя – наверху.

Лехсе вдруг вспомнил про камердинера. Он с выхваченным из кобуры пистолетом бросился в кухню, но через мину-

ту возвратился. Открытое настежь окно объяснило ему все.

– Сбежал, – сказал Лехсе, – и совсем недавно.

– Видимо, это Франтишек, – сказал Вонсовский. – Просто не верится. Тогда понятно, почему он сбежал. Неприятно мне, господин штандартенфюрер, что в моем доме находился человек…

– Замолчи! – процедил сквозь зубы Дибелиус. – Выясним все в Варшаве. – И, не глядя на Вонсовского, направился к выходу.

Два солдата из железнодорожной охраны, нагруженные добычей, отошли уже на порядочное расстояние от охотничьего домика.

– Посмотри, Хорст! – сказал низкорослый, показывая на слабый свет в окнах. – Господа между собой всегда договорятся. Как стал графом, так он теперь может быть даже и поляком.

Но высокий не поддержал разговора – был занят усмирением гуся, который хлопал крыльями, пытаясь вырваться из его рук, скрюченных от холода.

Оберет Рейнер дрожащими руками застегивал пуговицы кителя и громко ругал своего ординарца, толстого фельдфебеля, который возился с приготовлением утреннего кофе.

Рейнер подошел к окну, отодвинул штору. На темном зимнем небе еще блестели звезды. Старомодные часы на комо-

де, в стиле бидермейер (Рейнер «унаследовал» эту квартиру вместе с мебелью от какого-то адвоката, который был переселен в гетто), показывали без пятнадцати пять.

– Клаус, ты ленивая свинья!

– Так точно, господин оберет! – ответил ординарец. В руках он держал небольшой поднос с чашкой кофе и двумя пряниками. Из-под шинели, наброшенной на длинную ночную рубашку, выглядывали домашние туфли. – Могу быть свободен, господин полковник?

Свободен – это значит вернуться в теплую кровать в комнате для прислуги, за кухней, в то время как он, полковник Рейнер, из-за этого идиотского телефонного звонка и пьяного бреда обезумевшего Дибелиуса должен тащиться на другой конец города. Это займет не менее часа туда и обратно и около часа, чтобы добиться чего-нибудь вразумительного от штандартенфюрера, и времени на то, чтобы выспаться, совсем не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.